

Обзоры

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-135-144

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА: ИДЕНТИЧНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСА СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М. И. Богачёв, А. Д. Фридман (Лапай)

Богачёв Максим Игоревич, кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт наследия и современного общества, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
E-mail: mboigachev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9980-935. ResearcherID: K-4244-2015).

Фридман (Лапай) Анна Денисовна, бакалавр международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: annalapa@gmail.com (ORCID: 0009-0007-6785-4317. ResearcherID: JAX-4362-2023).

Аннотация

Рассматриваются подходы к определению социетальной безопасности в рамках теории Копенгагенской школы, ее последователей и критиков, а также элементы, участвующие в формировании социетальной безопасности как дискурсивной практики. Отмечается, что социетальная безопасность, изначально выделенная Копенгагенской школой как сектор государственной безопасности, постепенно стала рассматриваться как безопасность сообществ, в том числе тех, чьи границы не совпадают с государственными. Вместе с тем ряд подходов рассматривают государственную безопасность как часть социетальной и отмечают социетализацию остальных секторов безопасности. Показывается, что дискурс социетальной безопасности формируется под воздействием идентичностей социетальных акторов и одновременно конструирует их, поскольку в нем происходит взаимное определение сущностей и границ идентичностей друг относительно друга. Это разграничение происходит в процессе секьюритизации, в рамках которого именуется референтные объекты безопасности и угрозы. Секьюритизация и формирование дискурса социетальной безопасности осуществляется в ходе взаимодействия секьюритизирующего актора (или агента) и аудитории. Секьюритизация и контрсекьюритизация, порождающие динамику взаимодействия антагонистических идентичностей, каждая из которых стремится усилить себя относительно другой, тем самым провоцируя ее ответное усиление, составляют дилемму социетальной безопасности.

Ключевые слова: безопасность; социетальная безопасность; дилемма социетальной безопасности; секьюритизация; дискурс; идентичность; международные отношения.

В традиционном понимании термин «безопасность» долгое время означал исключительно отсутствие объективных и преимущественно военных угроз. При этом безопасность понималась как национальная безопасность и связывалась непосредственно с государством. Однако после холодной войны понятие безопасности было переосмыслено, в частности возникли такие концепты, как «экономическая безопасность», «экологическая безопасность», «общественная безопасность», «безопасность человека» и др. Такое деление безопасности на сектора произошло из-за того, что в фокусе дисциплины международных отношений наряду с государственными акторами оказались негосударственные (Aaltola & Juntunen, 2018; Морозова, 2016). Их включение в процессы мировой политики обусловило необходимость рассмотрения безопасности как дискурсивной практики, в ходе которой определяются референтные объекты и угрозы, происходит разграничение и фиксация идентичностей друг относительно друга.

Значительный вклад в переосмысление категории «безопасность» внесла Копенгагенская школа международных отношений. Ее представители разработали теорию секьюритизации, заточен-

ную на исследование того, каким образом производятся смыслы в сфере безопасности, а также предложили понятие «социетальная безопасность», которое позволило по-новому взглянуть на взаимодействие негосударственных акторов в сфере безопасности.

Однако исследователями отмечается, что в российском академическом пространстве понятие социетальной безопасности используется спорадически, причем в вариативных значениях: в одних случаях социетальную безопасность понимают как часть национальной безопасности, в других – приравнивают к устойчивому развитию, а в третьих – отождествляют с общественной безопасностью (Сергунин, 2021; Романова, 2021). В связи с этим мы полагаем необходимым осветить вопрос о том, какое видение социетальной безопасности было изначально предложено Копенгагенской школой, как оно преломилось в работах последователей и критиков, а также рассмотреть, какие элементы участвовали в формировании дискурса социетальной безопасности.

Социетальная безопасность: подходы к определению

Основополагающую роль в формировании нового подхода к пониманию безопасности сыграл Копенгагенский институт исследований мира (The Copenhagen Peace Research Institute – COPRI), представители которого (Барри Бузан, Оле Вевер, Якобус Хубертус де Вильде, Пол Рое) составили ядро так называемой Копенгагенской школы международных отношений. Одной из разработанных этой школой и доработанной ее критиками категорий стала социетальная безопасность. Социетальная безопасность, фокусирующаяся на способности общества сохранять свою идентичность даже в условиях глобальных перемен, рассматривалась одновременно и как часть государственной безопасности, и как часть безопасности сообществ, в особенности тех, что не представлены каким-либо государством (баски, курды, цыгане, тибетцы). Таким образом, в отличие от традиционного понимания безопасности, в рамках концепции социетальной безопасности предполагалось, что сообщества, подобно государствам, могут обеспечивать собственную безопасность, пусть и в меньших масштабах.

Одним из первых в научный оборот категорию «социетальная безопасность» ввел идейный вдохновитель Копенгагенской школы Барри Бузан, который выделил пять секторов государственной безопасности: военный, политический, экономический, социетальный и экологический (Buzan, 1983). Данное разделение нельзя считать строгим, поскольку «все они сплетены вместе в прочную сеть взаимосвязей» и оказывают влияние друг на друга (Buzan, 1991: 433). Более того, количество возможных секторов вовсе не ограничено этими пятью и их типы зависят оттого, как разворачиваются дискурсы безопасности (Albert & Buzan, 2011). По определению Б. Бузана, «социетальная безопасность касается способности обществ воспроизводить свои традиционные паттерны языка, культуры и общения, а также религиозную и национальную идентичность и обычаи в рамках допустимых условий для развития» (Buzan, 1991: 433). Таким образом, идентичность не воспринимается как нечто абсолютно стабильное, напротив, она способна развиваться, меняться. Социетальная безопасность для Б. Бузана является сектором государственной безопасности, а общество он описывает как социальное, культурное, психологическое образование внутри государства (Buzan, 1983). При этом государства могут оказаться в небезопасности из-за угроз их обществ (Roe, 2007).

Иное понимание социетальной безопасности и ее соотношения с государственной безопасностью присутствует в работах датского политолога Оле Вевера. Понимая социетальную безопасность схожим с Б. Бузаном образом как «способность общества сохранять свой существенный характер, несмотря на изменяющиеся условия и возможные или актуальные угрозы», и как «защиту сообщества от предполагаемой угрозы его идентичности», он, однако, предложил осмыслять «общество как независимый объект безопасности, а социальных акторов – как самостоятельных потенциальных игроков в сфере безопасности» (Wæver, 1993: 23). Вместо оптики, в которой государственная безопасность разделялась на пять секторов, он предложил оптику, в которой социетальная безопасность воспринималась дуально: с одной стороны, она оставалась частью государственной безопасности, но с другой – общество само по себе, безотносительно государства, становилось референтным объектом безопасности (Wæver, 1993: 25).

Понимание идентичности общества у О. Вевера близко к пониманию государственного суверенитета. Так, в традиционном понимании безопасности «если государство теряет свой суверенитет, то оно не будет способно выжить как государство». В рамках же социетальной безопасности предполагается, что, «если общество теряет свою идентичность, оно не будет способно выживать как общество» (Wæver, 1993: 25). Подобный поворот к идентичности обществ и их безопасности был обусловлен тем, что многие общества не представлены конкретными государствами или не вписываются в их

границы (Roe, 2000). Более того, из-за несовпадения границ государственной и национальной или религиозной идентичностей «государственная и социетальная безопасность могут вступать в конфликт» (Ahmadian, 2019). В таком случае «увеличение государственной безопасности может привести к увеличению небезопасности некоторых социальных групп», и наоборот (Ahmadian, 2019; Nama, 2017). Проблема «пробелов идентичности» (state-society identity gap) характерна для Ближнего Востока, где, с одной стороны, есть арабская и мусульманская идентичности, охватывающие все государства региона и оказывающие влияние на векторы их политики, а с другой – есть этнические и религиозные меньшинства, чьи права государства могут нарушать (Ahmadian, 2019; Nama, 2017).

Другой подход в рамках посткопенгагенской школы состоит в том, что, поскольку все сектора безопасности и сама государственная безопасность в конечном итоге направлены на защиту общества и создание благоприятных условий для его развития, социетальная безопасность не является секторальной или параллельной относительно государственной безопасности, а «имеет наивысший приоритет и подчиняет себе все другие сектора политики безопасности» (Vitkus, 2018: 146).

Особый взгляд на взаимодействие государственной и социетальной безопасности предлагает скандинавская модель. В рамках данной модели предполагается, что обеспечение социетальной безопасности зависит от прозрачности государственного управления, верховенства права и стремления к равенству и социальному благополучию, которые должны сохраняться даже в условиях кризиса (Aaltola & Juntunen, 2018). Данная модель предполагает, что, поскольку угрозы в современном мире разнообразны и несут гибридный характер (“all hazard” approach), социетальная безопасность должна обеспечиваться как государственными, так и негосударственными акторами (Høyland, 2017). При этом обеспечение безопасности состоит не в защите от определенной угрозы, а в общем повышении устойчивости (resilience) сообщества (Sundelius & Eldeblad, 2023). Таким образом, скандинавская модель, являясь более прагматико-ориентированной, в большей степени уделяет внимание изучению институциональных и правовых рамок социетальной безопасности; при этом она не исключает и дискурсивного характера безопасности, поскольку признает ценности общества и его идентичность в качестве референтных объектов и указывает на связь между ними и институтами.

Множество подходов к определению социетальной безопасности демонстрируют сложности, связанные с делением безопасности на сектора. Это наряду с вовлеченностью негосударственных акторов в производство дискурсов безопасности, увеличением числа нетрадиционных угроз, необходимостью повышения резильентности сообщества ставит проблематику «переводов безопасности», поскольку наблюдается не столько расширение какого-то единого режима безопасности, сколько «одновременное распространение нескольких конкурирующих стилей и кодификаций [режима безопасности], которые все чаще пересекаются» (Berling et al., 2022: 5). Безопасность, в том числе социетальная, перестает рассматриваться как сфера деятельности конкретного государственного актора, а воспринимается как деятельность целой нации, сообщества (whole-of-nation activity) (Sundelius & Eldeblad, 2023): безопасность становится децентрализованной, индивидуализированной и интерсубъективной практикой, а ее содержание и практики ее обеспечения все в большей степени определяются дискурсами отдельных сообществ, и все сектора приобретают социетальный характер.

Взаимосвязь дискурса социетальной безопасности и идентичности

Центральным понятием в определении социетальной безопасности О. Вевера становится идентичность, поскольку «ключом к обществу является тот набор идей и практик, которые идентифицируют индивидов как членов социальной группы. Общество – это идентичность, самооценка сообществ и отдельных людей, идентифицирующих себя как членов сообществ» (Wæver, 1993: 24–25). Вместе с тем он не только приравнивает общество к идентичности, но и отмечает, что безопасность действует не на глобальном или индивидуальном уровне, а во взаимодействии сообществ, и поскольку сообщества сведены до их идентичности, то вопрос безопасности в рамках такого подхода оказывается связан с взаимодействием идентичностей (Roe, 2000).

Однако идентичность непостоянна, она меняется под воздействием условий и «не существует независимо от дискурсивных практик», которые как раз производят и воспроизводят определенный набор идей, ценностей и представлений (Морозова, 2016: 115). Вместе с тем необходимо учитывать и роль социального контекста. Контекст состоит, во-первых, в том, что сама идентичность может быть понимаема как «процесс переговоров между людьми и группами интересов», а во-вторых, связь между проблемами безопасности и идентичностью двусторонняя, под чем имеется в виду то, что не толь-

ко различие в идентичностях обозначает определенные угрозы, но и объективно существующие угрозы могут детерминировать конструирование и доминирование той или иной идентичности (Bilgic, 2013: 201). Иными словами, проблемы безопасности и идентичность взаимно определяют друг друга.

Так или иначе, участие многих социальных акторов в конструировании идентичности обуславливает неоднородность дискурса идентичности, которая «всегда находится в процессе переписывания» (Guzzini, 2022: 45). Тем не менее процессуальная неоднородная идентичность стремится к завершенности, что проявляется, во-первых, в том, что в ней возможна «фиксация и стабилизация одних идентичностей», происходящая за счет «замалчивания, вытеснения и исключения других, альтернативных нарративов и интерпретаций», а во-вторых, в том, что «идентичность конструируется как законченная и объективная только по отношению к тому, чем она не является» (Морозова, 2016: 115). Таким образом, стремление идентичности к законченности и возможность сконструировать идентичность законченной только по отношению к «Другому» обуславливает апелляцию к антагонизму как артикуляционной практике (Морозова, 2016: 116). При этом сохраняющаяся неоднородность идентичности обуславливает и неоднородность «Другого» (Guzzini, 2022: 57). Дискурс безопасности становится воплощением этого антагонизма, поскольку оказывается связан с конструированием образа «Себя» и образа «Другого», а множественность называемых в дискурсе угроз соответствует множественности ценностей, являющихся центральными для той или иной идентичности внутри образа «Себя» (Bilgic, 2013: 201). Таким образом, идентичность стремится к законченности, для чего ей нужен образ «Другого», и вместе с тем сохранение идентичности, то есть сохранение самого сообщества, становится для сообщества самоцелью, а не просто средством достижения других целей – и его сохранению препятствует «Другой», неся в себе угрозу для ценностей сообщества (Rhinard, 2020: 24). П. Рое отмечает, что О. Вевер подчеркивает эту двойную роль «Другого»: «он [«Другой»] необходим для моей идентичности и он же является тем, кто мешает мне быть полностью самим собой» (Roe, 2000).

Следует заметить, что «Другого» может представлять не только другой социальный актор, но и сам актор по отношению к самому себе, то есть идентичность может отстраиваться и от прежней доминирующей идентичности субъекта: так, например, «"Другой" Европы – это собственное прошлое Европы, которому не должно быть позволено претвориться в будущем» (Guzzini, 2022: 44). Это обозначает «саморефлексивный» характер идентичности и то, что актор во временном измерении не является тождественным самому себе в силу подвижности его идентичности.

В связи со стремлением идентичности к законченности и стабильности «любая попытка, предполагающая изменение идентичности, воспринимается как угроза безопасности», что и провоцирует изменения в реагирующей на угрозу идентичности (Guzzini, 2022: 46). Б. Бузан отмечает, что «угрозы идентичности – это всегда вопрос конструирования чего-то, угрожающего некому "мы" – и, следовательно, часто играющего роль в конструировании и воспроизведении "нас"» (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998: 120). В результате этого получается, что «Другой» и угрозы идентичности могут быть определяющими для самой идентичности. Стоит, однако, отметить, что создание «угрожающего Другого» конструирует соответственно «находящееся под угрозой, виктимизированное Я» (Bilgic, 2013: 200). Эта дихотомия возвращает нас к реалистским концепциям, таким как дилемма безопасности, и усиление идентичности какого-либо социального актора может восприниматься как угроза для идентичности другого актора и стать основанием для конструирования и укрепления собственной идентичности.

Говоря об угрозах в социетальном секторе, следует упомянуть, что источником этих угроз могут служить другие сектора, а сами угрозы могут иметь гибридный характер (Aaltola & Juntunen, 2018: 36). Копенгагенская школа разделяет угрозы социетальной безопасности на три основные категории: 1) миграция (изменение состава населения обуславливает привнесение иных ценностей и традиций, которые могут представлять угрозу идентичности), 2) горизонтальная конкуренция (угроза идентичности происходит из-за возможного культурного или языкового влияния, которое инструментализируется в борьбе за политические, экономические и социальные ресурсы между разными группами) и 3) вертикальная состязательность (угроза идентичности происходит из-за того, что группы подталкиваются к более широкой или более узкой идентичности, например: национальная vs региональная или наднациональная, субнациональная vs наднациональная) (Гласер и Ивлева, 2022; Paul, 2018: 1–7). Иными словами, в профайл угроз для социетальной безопасности попадают многочисленные явления, которые могут оказать влияние на идентичность общества, «стерев» или изменив ее, и подвергнуть сообщество риску физического уничтожения.

Обозначение экзистенциальных угроз в дискурсе социетальной безопасности оказывается критически важным для демаркации «врагов» и «друзей», «Другого» и «Себя» (Baysal, 2020; Stepka, 2022). Конструирование идентичности проистекает из этого дихотомического разделения, которое происходит в процессе секьюритизации.

Теория секьюритизации

Говоря о производстве дискурса безопасности, невозможно не затронуть теорию секьюритизации. Под секьюритизацией «следует понимать процесс производства смысла, глубоко укорененный в дискурсивном контексте, который превращает индивидуальную пропозицию в коллективный доминирующий нарратив» (Морозова, 2016: 114). Несмотря на то, что секьюритизация является социальной практикой внутри политической системы, она предполагает следующее допущение: «секьюритизация сама по себе создает новый социальный порядок, в котором “нормальная политика” вынесена в скобки», и подвергает границы сообществ перестраиванию (Balzacq, 2005: 171; Balzacq, 2019).

В процессе секьюритизации принято выделять несколько составляющих: 1) референтный объект, «который воспринимается как подвергающийся экзистенциальной угрозе и при этом имеющий легитимное право на защиту» и который также «должен быть общепризнанно социально значимым и отсылать, например, к общим ценностям, идентичностям или проблемам, которые находят отклик у большей части целевой аудитории»; 2) секьюритизирующий актор, который именуется угрозой как экзистенциальную для объекта, и 3) аудитория, которую актор должен убедить согласиться с тем, что указываемый им объект действительно подвергается экзистенциальной угрозе и нуждается в защите (Stepka, 2022: 20, Декальчук, 2013: 41). Наличие признания угрозы и права актора на принятие исключительных мер в отношении угрозы «превращает попытку секьюритизации в акт успешной секьюритизации» (Декальчук, 2013: 41). Поскольку успешность секьюритизации в большей степени зависит от секьюритизирующего актора и аудитории, следует задать два вопроса: во-первых, кто может быть секьюритизирующим актором, иными словами, кто формирует дискурс безопасности; во-вторых, каким образом аудитория влияет на этот дискурс и признает нечто в качестве угрозы?

Отвечая на первый вопрос, отметим, что название чего-либо в качестве угрозы, в соответствии с теорией секьюритизации О. Вевера, является перформативом, то есть таким утверждением, которое «не описывает действительность и не утверждает никаких фактов», а следовательно, «не может быть оценено как истинное или ложное» (Balzacq, 2005: 175). Условием произнесения перформатива становится и «формальное право произносящего совершить посредством говорения какое-то действие», то есть возможность произнесения перформатива зависит от статуса говорящего, его легитимности (Декальчук, 2013: 45). Имея право обозначать угрозы и артикулируя антагонизмы, секьюритизирующий актор контролирует идентичность сообщества, влияя на его чувство незащищенности и внутреннюю согласованность (Stepka, 2022). При этом в свете децентрализации и индивидуализации практик безопасности количество возможных секьюритизирующих акторов не ограничивается государственными акторами. В некоторых подходах предлагается классифицировать секьюритизирующие акторы по степени их авторитетности (Baysal, 2020; Berling et al., 2022). Таким образом, секьюритизация происходит не за счет одного речевого акта, а в результате их совокупности и интересубъективного взаимодействия. Помимо этого, с точки зрения акторно-сетового подхода к секьюритизации секьюритизирующими агентами могут быть не только люди, но и неживые объекты, которые оказывают влияние на реальность: документы, изображения, природные явления и пр. (Salter, 2019; Floyd, 2019; Hansen, 2018). В таком подходе секьюритизацию следует рассматривать как объединение набора ресурсов для стабилизации связи между идентичностью и безопасностью (Salter, 2019).

Переходя ко второму вопросу, следует отметить, что в теории секьюритизации существует интерналистский и экстерналистский подходы, представленные О. Вевером и Т. Бальзаком соответственно (Wæver, 2015; Balzacq et al., 2016). С точки зрения первого подхода именно реакция публики и признание угрозы в качестве таковой должны обозначить успешность попытки секьюритизации. Вместе с тем возникают различия в понимании обязательности реакции публики для успешности секьюритизации, поскольку О. Вевер, отклоняясь от теории речевого акта Дж. Остина, вместо термина «перлокуция», который должен был бы обозначить реакцию аудитории, использует термин «интерсубъективность», которая существует между секьюритизирующим актором и аудиторией, в отличие от перлокуции, даже тогда, когда публика не дает выраженной ответной реакции (Декальчук, 2013: 45).

Любопытна интерпретация доцента Бирмингемского университета Риты Флойд (Таурек), которая указывает на то, что аудитория представляет собой «молчаливое большинство», которое не может быть репрезентировано, а потому «попытка секьюритизации может превратиться в акт успешной секьюритизации практически в одностороннем порядке» (Цитата по: Декальчук, 2013: 46). Автор также подмечает, что речь секьюритизирующего актора оказывается самоадресованной, поскольку она стремится убедить не какую-либо абстрактную публику, а принимающие решения элиты (Декальчук, 2013). Кроме того, Р. Флойд указывает на то, что именно представление об intersubъективном характере связи между секьюритизирующим актором и аудиторией позволяет исследовать возможные варианты реакции аудитории на попытку секьюритизации (Floyd, 2016).

В экстерналистском подходе понимание секьюритизации смещается в сторону контекста. Т. Балзак предлагает соотносить высказывания о безопасности с внешней реальностью, поскольку концепт безопасности «заставляет публику "оглянуться вокруг", чтобы определить условия (предполагаемые угрозы), которые оправдывают его озвучивание» (Balzacq, 2005: 182). Таким образом, секьюритизация рассматривается как прагматическая практика, которая «происходит внутри и как часть конфигурации обстоятельств, включая контекст, психокультурную предрасположенность аудитории и власть, которую как говорящий, так и слушатель приносят во взаимодействие», и которая может считаться успешной, если слова субъекта резонируют с контекстом (Balzacq, 2005: 172).

Ответной реакцией на секьюритизацию может стать и контрсекьюритизация, которая подразумевает представление секьюритизирующего актора в качестве угрозы безопасности и предлагает соответствующей аудитории принять против него чрезвычайные меры, в том числе силового характера (Baysal, 2020). Контрсекьюритизация и ее последствия для социальной безопасности, как, например, прибегание к языку ненависти, дискриминативным дискурсам, усугубление антагонизмов, а также прочие издержки секьюритизации обуславливают необходимость десекуритизации.

Таким образом, теория секьюритизации демонстрирует, каким образом формируется дискурс безопасности. Секьюритизация становится не только процессом демаркации идентичностей за счет конструирования угроз, но и потенциальным источником новых рисков для социетальной безопасности, поскольку, с одной стороны, реальные угрозы могут по каким-либо причинам не быть освещены в дискурсе и замалчиваться, что ведет к риску нереагирования на них; с другой стороны, дискурсивное выстраивание образа «Другого» может привести к определенному социальному взаимодействию между группами. Возможные реальные последствия угроз субъективного характера отображаются в дилемме социетальной безопасности, описанной П. Роем.

Дилемма социетальной безопасности

Дилемма социетальной безопасности основывается на классической дилемме безопасности, которая, в свою очередь, состоит в том, что «действия одного государства, пытающегося повысить свою собственную безопасность, вызывают реакцию второго государства, что, в конечном счете, снижает его (первого государства) собственную безопасность» (Рое, 2000). Вместо взаимодействия государств дилемма социетальной безопасности рассматривает взаимодействие социальных идентичностей и формулируется следующим образом: «дилемма социетальной безопасности может возникнуть, когда действия одного общества, пытающегося повысить свою социетальную безопасность (укрепляя свою собственную идентичность), вызывают реакцию во втором обществе, что, в конечном итоге, снижает его (первого общества) социетальную безопасность (ослабляет его собственную идентичность)» (Рое, 2000).

П. Рое, как и О. Вевер, понимает социетальную безопасность дуально: и как самостоятельную единицу для анализа, и как включенную в государственную безопасность. Ввиду этого, описывая возможные способы реакции на угрозу в рамках дилеммы социетальной безопасности, П. Рое указывает на то, что общества могут либо внести угрозы в повестку дня государственной безопасности, и, таким образом, дилемма социетальной безопасности может легко преобразоваться в классическую дилемму безопасности, либо защищать себя негосударственными средствами, причем он не исключает, что реакция на угрозу идентичности может включать в себя вооруженные методы (Рое, 2007: 171). П. Рое также отмечает спиральную динамику в нарастании конфликта в дилемме социетальной безопасности, подмечая, что, поскольку «другое общество также может быть частью процесса самоидентификации, мое сильное чувство идентичности неизменно будет зависеть от вашего слабого чувства идентичности» (Рое, 2007).

Профессор университета Ламборо (Великобритания) Али Бильгич, критикуя П. Рое, предлагает новую дилемму социетальной безопасности. В частности, он предлагает следующие изменения: во-первых, согласно А. Бильгич, возникновение дилеммы зависит оттого, как акторы понимают политическую структуру, в которой взаимодействуют; во-вторых, он переносит внимание с намерений акторов на те стратегии и инструменты, к которым они обращаются для достижения безопасности; в-третьих, он предполагает в анализе идентичностей проследить то, «как политические акторы с разными политическими интересами конструируют и реконструируют отдельные идентичности, оттесняя другие» (Bilgic, 2013: 193). Особенно важным для дополнения дилеммы социетальной безопасности нам кажется второе изменение, которое предлагает три стратегии разрешения дилеммы социетальной безопасности: стратегию фатализма (нарастание конфликта), стратегию смягчения (установление общих институтов и норм) и стратегию построения общей идентичности (Bilgic, 2013: 196–197).

Таким образом, дилемма социетальной безопасности описывает динамику реагирования идентичностей друг на друга и укрепления одной идентичности за счет ослабления другой, а также указывает на возможность возникновения новых угроз в результате взаимодействия идентичностей.

* * *

В конце XX в. на фоне увеличения роли негосударственных акторов в мировой политике стали изучаться дискурсы безопасности. Начало этому положила Копенгагенская школа, предложившая пять секторов безопасности, связанных с наиболее актуальными дискурсами. Одним из секторов стала социетальная безопасность, понимаемая и как сохранность устойчивости и воспроизводимости идентичности обществ, и как непосредственно отсутствие угроз физическому существованию обществ. Различие подходов к определению социетальной безопасности состоит в ее положении относительно государственной безопасности: если Б. Бузан считает социетальную безопасность сектором государственной, а О. Вевер предлагает рассматривать ее одновременно и как часть государственной, и как противоположность ей, то в других подходах социетальная безопасность рассматривается как включающая в себя государственную, проникающая во все сферы безопасности.

Вне зависимости от подхода к определению социетальной безопасности центральными категориями для ее осмысления становятся идентичности и их антагонизм, который одновременно и служит контекстом для конструирования дискурса безопасности, и конструируется в этом дискурсе за счет называния референтных объектов безопасности и угроз, атрибутирующихся носителю идентичности и «Другому» в процессе секьюритизации. Возможность называния угроз и референтных объектов, а следовательно, переписывания идентичности в дискурсе социетальной безопасности отводится секьюритизирующему актору. Развитие подходов к теории секьюритизации, однако, демонстрирует, что все большее количество акторов могут стать секьюритизирующими; отдельно подчеркивается роль предметов и явлений в формировании дискурса безопасности.

Вместе с тем отмечается важность согласия аудитории с обозначенными референтными объектами и угрозами и их соответствие контексту для того, чтобы они закрепились в дискурсе безопасности. Секьюритизация не только позволяет демаркировать идентичности и произвести дискурс социетальной безопасности за счет их антагонизации, но и может стать источником дополнительных угроз для социетальной безопасности. Динамика реагирования идентичностей друг на друга и укрепления одной идентичности за счет ослабления другой нашла свое выражение в дилемме социетальной безопасности.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 075-00870-23-08 от 5 сентября 2023 г., выполняемого ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», научная тема «Отражение ценностных ориентиров в текстах пользователей социальных сетей: лингвосемантический анализ» (FSZG-2023-0016).

Список литературы / References

Гласер, М. А., Ивлева, М. И. (2022) 'Социетальная безопасность и религия в пост-колониальной Африке', *Государство, религия, церковь в России и за*

рубежом, 40 (3), сс. 136–167. [Glaser, M. A., Ivleva, M. I. (2022) 'Societal security and religion in post-colonial Africa' [Societal'naya bezopasnost' i religiya v

- postkolonial'noj Afrike], *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 40 (3), pp. 136–167. (In Russ.).
- Декальчук, А. А. (2013) 'Проникновение философских концепций в теорию международных отношений (Случай теории речевых актов Джона Остина и теории секьюритизации Оле Вевера)', *Философские науки*, 8, сс. 39–50. [Dekalchuk, A. A. (2013) 'Penetration of philosophical concepts into the theory of international relations (The case of John Austin's theory of speech acts and Ole Wever's theory of securitization)' [Proniknovenie filosofskikh koncepcij v teoriyu mezhdunarodnykh odnoshenij (Sluchaj teorii rechevykh aktov Dzhona Ostina i teorii sek'yuritizacii Ole Vevera)], *Filosofskie nauki*, 8, pp. 39–50. (In Russ.)].
- Морозова, Н. Н. (2016) 'Безопасность как речевой акт и дискурсивная практика: к вопросу о конструировании политической идентичности', *Политическая лингвистика*, 1, сс. 111–120. [Morozova, N.N. (2016) 'Security as a speech act and discursive practice: on the issue of constructing political identity' [Bezopasnost' kak rechevoj akt i diskursivnaya praktika: k voprosu o konstruirovanii politicheskoy identichnosti], *Politicheskaya lingvistika*, 1, pp. 111–120. (In Russ.)].
- Романова, А. П. (2021) 'Концепция societalной безопасности: теория, дискуссия и каспийские перспективы', *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 1, сс. 55–65. [Romanova, A. P. (2021) 'The Concept of Societal Security: Theory, Discussions, and Caspian Perspectives' [Konceptija societal'noj bezopasnosti: teorija, diskussija i kaspijskie perspektivy], *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety&Security*, 1, pp. 55–56. (In Russ.)].
- Сергунин, А. А. (2021) 'Социетальная безопасность в регионе Балтийского моря: российская перспектива', *Балтийский регион*, 13 (3), сс. 4–24, DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-1. [Sergunin, A. A. (2021) 'Societal security in the Baltic Sea region: the Russian perspective' [Societal'naja bezopasnost' v regione Baltijskogo morja: rossijskaja perspektiva], *Baltic Region*, 13 (3), pp. 4–24. (In Russ.)].
- Aatola M., Juntunen T. (2018) 'Nordic model meets resilience – Finnish strategy for societal security' in Aatola, M. et al. (eds.) *Societal security in the Baltic Sea region: expertise mapping and raising policy relevance*. Latvian Institute of International Affairs, pp. 26–42.
- Ahmadian, H. (2019) 'Societal (in)security in the Middle East: radicalism as a reaction?' in Koch, B., Stivatchtis, Y. A. (eds.) *Regional Security in the Middle East: Sectors, Variables and Issues*. Bristol: E-International Relations, pp. 45–60.
- Albert, M., Buzan, B. (2011) 'Securitization, sectors and functional differentiation', *Security Dialogue*, 42 (4-5), pp. 413–425, DOI:10.1177/0967010611418710
- Balzacq, T., Léonard, S., & Ruzicka, J. (2016) "'Securitization" revisited: theory and cases', *International Relations*, 30(4), pp. 494–531, DOI: 10.1177/004717815596590
- Balzacq, T. (2019) 'Securitization theory: Past, present, and future', *Polity*, 51(2), pp. 331–348, DOI: 10.1086/701884
- Balzacq, T. (2005) 'The three faces of securitization: Political agency, audience and context', *European journal of international relations*, 11 (2), pp. 171–201, DOI:10.1177/1354066105052960
- Baysal, B. (2020) '20 Years of Securitization: Strengths, Limitations and A New Dual Framework', *International Relations*, 17(67), pp. 3-20, DOI: 10.33458/uidergisi.777338
- Berling, T., Gad, U., Petersen, K., Wæver, O. (2022) *Translations of security: A framework for the study of unwanted futures*. Taylor & Francis.
- Bilgic, A. (2013) 'Towards a new societal security dilemma: comprehensive analysis of actor responsibility in intersocietal conflicts', *Review of International Studies*, 39 (1), pp. 185–208, DOI:10.1017/S0260210512000095
- Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner.
- Buzan, B. (1991) 'New patterns of global security in the twenty-first century', *International affairs*, 67 (3), pp. 431–451, DOI:10.2307/2621945
- Buzan, B. (1983) *People, States and Fear; The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Harvester Wheatsheaf.
- Buzan, B. (1993) 'Societal security, state security and internationalisation' in Wæver, O. et al. (eds.) *Identity, migration and the new*

- security agenda in Europe*. London: Pinter, pp. 41–58.
- Floyd, R. (2016) 'Extraordinary or ordinary emergency measures: what, and who, decides the "success" of securitisation?', *Cambridge Review of International Affairs*, 29 (2), pp. 677–694, DOI: 10.1080/09557571.2015.1077651
- Floyd, R. (2019) 'States, last resort and the obligation to securitize', *Polity*, 51(2), pp. 378–394, DOI: 10.1086/701886
- Guzzini, S. (2022) "'Vision of Itself" in Foreign Policy Analysis: From the Role of Ideas to Identity and Recognition', *Teoria Polityki*, 6, pp. 33–57. DOI:10.4467/25440845TP.22.001.16001
- Hama, H. (2017). 'State Security, Societal Security, and Human Security', *Jadavpur Journal of International Relations*, 21 (1), pp. 1–19, DOI:10.1177/0973598417706591
- Hansen, L. (2018) 'Images and International Security' in Gheciu, A., Wohlforth, W. C. (eds.) *The Oxford Handbook of International Security*. Oxford University Press, pp. 593–606.
- Høyland, S. A. (2018) 'Exploring and modeling the societal safety and societal security concepts—A systematic review, empirical study and key implications', *Safety science*, 110, pp. 7–22. DOI: 10.1016/j.ssci.2017.10.019
- Paul, S. (2018) 'Societal security' in Romaniuk, S., Marton, P. (eds.) *The Palgrave Encyclopedia of Global Security Studies*. Palgrave Macmillan, pp. 1–7.
- Rhinard, M. (2020) 'Societal security in theory and practice' in Larsson, S., Rhinard, M. (eds.) *Nordic Societal Security: Convergence and Divergence*. Routledge, pp. 22–42.
- Roe, P. (2007) 'Societal security' in Collins, A. (ed.) *Contemporary security studies*. New York: Oxford University Press, pp. 164–181.
- Roe, P. (2000) 'Societal security dilemma' in Hyde-Price, A., Aggestam, L. (eds.) *Security and Identity in Europe: Exploring the New Agenda*. Houndmilles: Macmillan. Available at: https://ciaotest.cc.columbia.edu/wps/rop01/#note* (Accessed: 9 December 2023)
- Salter, M. B. (2019) 'Security actor-network theory: Revitalizing securitization theory with Bruno Latour', *Polity*, 51 (2), pp. 349–364, DOI: 10.1086/701885
- Stepka, M. (2022) 'The Copenhagen School and Beyond. A Closer Look at Securitisation Theory' in *Identifying Security Logics in the EU Policy Discourse: The "Migration Crisis" and the EU*. Cham: Springer International Publishing, pp. 17–31.
- Sundelius, B., Eldeblad, J. (2023) 'Societal Security and Total Defense', *PRISM*, 10(2), pp. 92–111. Available at: <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/3323928/societal-security-and-total-defense-the-swedish-way/> (Accessed: 9 December 2023)
- Vitkus, G. (2018) 'Societal security in Lithuania: what's so different about it?' in Aatola, M. et al. (eds.) *Societal security in the Baltic Sea region: expertise mapping and raising policy relevance*. Latvian Institute of International Affairs, pp. 143–161.
- Wæver, O. (2007) 'Securitization and Desecuritization' in Buzan, B., Hansen, L. (eds.) *International Security*. London: SAGE, vol. 3: Widening Security, pp. 66–98.
- Wæver, O. (1993) 'Societal Security: The Concept' in Wæver, O. et al. (ed.) *Identity, migration and the new security agenda in Europe*. London: Pinter, pp. 17–40.
- Wæver, O. (2015) 'The theory act: responsibility and exactitude as seen from securitization', *International Relations*, 29, pp. 121–127, DOI: 10.1177/0047117814526606d

Статья поступила в редакцию: 18.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 12.12.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

**SECURITY AS A DISCURSIVE PRACTICE: IDENTITY AND THE FORMATION
OF THE DISCOURSE OF SOCIETAL SECURITY**

M. Bogachev, A. Fridman (Lapai)

Maksim Bogachev, Candidate of Sc. (Sociologiya), Associate Professor,
National Research University Higher School of Economics;
Senior Researcher,
Institute of Heritage and Modern Society of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
E-mail: mbogachev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9980-935. ResearcherID: K-4244-2015).

Anna Fridman (Lapai), Bachelor of International Relations,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.
E-mail: annalapai@gmail.com (ORCID: 0009-0007-6785-4317. ResearcherID: JAX-4362-2023).

Abstract

The article examines the approaches to the definition of societal security in the frame of Copenhagen School theory, its adherents and critics, as well as the elements involved in the formation of societal security discourse. It is noted that societal security was initially identified by the Copenhagen School as a sector of state security, but gradually began to be considered as the security of communities, including those whose borders do not coincide with those of a state. Meanwhile, a number of approaches consider state security as part of societal security and note the societalization of other security sectors. The discourse of societal security is formed under the influence of the societal actors' identities while constructing them, since there is a mutual definition of entities and boundaries of identities relative to each other. This distinction occurs in the securitization process, within which the referent security objects and threats are named. Securitization and the societal security discourse formation are carried out during the interaction of the securitizing actor (or agent) and the audience. Securitization and counter-securitization, while generating the dynamics of interaction between antagonistic identities, each of which seeks to strengthen itself relative to the other, thereby provoking its reciprocal strengthening, constitute a societal security dilemma.

Keywords: security; societal security; securitization; discourse; societal security dilemma; identity; international relations.